

Чу Чанси снова очнулся — червь уже был извлечён из его тела, но вызванная им обратная реакция успела нанести достаточно вреда его памяти: после изгнания червя он не помнил ничего из того, что случилось после заражения, а воспоминания о более ранних событиях были в беспорядке и с пробелами.

Хотя это и напугало Чжао Цзинъюя, но Чу Чанси больше не находился под влиянием червя, вернул себе прежний разум, и его жизни ничего не угрожало — теперь он навсегда останется рядом, и Чжао Цзинъюй мог успокоиться.

Закончив совет с министрами глубокой ночью, Чжао Цзинъюй поднял голову и взглянул на ночное небо за окном. Высоко висела осенняя луна, в прозрачном воздухе сверкала иней. Он перевёл взгляд в сторону Дворца Чжияюй, и сердце его сжалось от тоски — он готов был глазами пронзить пространство, но всё же не встал, а, отведя взгляд, послушно уселся за стол, достал свиток, исписанный Чу Чанси, и продолжил чтение. Теперь он глубоко понял желания Чанси — тот хотел, чтобы он стал мудрым правителем и не обманул ожиданий народа Поднебесной, — и значит, он должен сделать всё наилучшим образом.

На карнизе Дворца Чжияюй сидел Чу Чанси, наблюдавший за этой сценой через Систему. Он расположился на чистой черепице, иней ложился холодом, а он беспечно потягивал цветочное вино, полы одежды, белые, как снег, ниспадали вниз.

Система, видя, что хозяин больше не смотрит, убрала световой экран. [Главный герой теперь встал на правильный путь сюжета, но, как видит хозяин, хотя шкала света и полна, она всё время нестабильна. Похоже, главный герой слишком привязан к хозяину. Пока ты рядом, он, следуя твоей воле, готов идти по пути правителя. Но стоит тебе исчезнуть — и сюжетная линия непременно развалится в прах.]

[Хозяин, что же нам делать дальше?]

Чу Чанси пил вино, голос его звучал лениво, словно его это не волновало, и он лишь повторил:

— Не волнуйся, всё стабилизируется.

Он был в белом халате, на фоне ночного неба вырисовывался снежно-белый силуэт. Когда кувшин опустел, он уже потерял счёт времени — не помнил, какой сегодня день. Он небрежно бросил пустой кувшин вниз, но не услышал привычного звона разбитой керамики. Повернув голову, он взглянул.

Там, куда упал кувшин, стоял человек. Золотая корона, драконье облачение — величие императора, затмевающее горы и реки. Но в тот миг, когда он взглянул на Чу Чанси, вся его величественность исчезла. Он прижимал к груди кувшин и улыбался ясно и нежно... и даже слегка глуповато.

Чу Чанси слегка опустил ресницы, и под ними глаза оставались прозрачными и спокойными,

как прежде.

— Ваше Высочество?

— Прости, я вернулся поздно и заставил супруга ждать. — Чжао Цзиньюй поставил кувшин на землю, поднял голову, глядя на человека на карнизе, и улыбнулся ещё ослепительнее.

Чу Чанси: ...

Главный герой что-то не так понял?

Видя, что тот молчит, Чжао Цзиньюй, не переставая улыбаться, крикнул в пустоту:

— Супруг снова забыл? Я ведь говорил: я уже император Государства Чжао, а Чанси уже сыграл со мной свадьбу и стал Императрицей. Так что Чанси может называть меня... женой.

Голос его звучал громко, ни капли смущения. Евнухи и служанки из Дворца Чжиюй выбежали посмотреть. Увидев, что император, похоже, страстно признаётся в любви, они, прикрывая рты, тихонько хихикали.

Чу Чанси увидел Чунь Ши с накидкой в руках, Вэй Ци с длинным мечом, девушку, которая едва сдерживала смех — её плечи тряслись, а Вэй Ци, казалось, готов был уткнуться лбом в землю.

Чу Чанси отвёл взгляд:

— Я этого не помню. Кто не знает... того не считается.

Если бы раньше Чанси ответил так, Чжао Цзиньюй не избежал бы сердечной боли. Но теперь, глядя на его черты — родник, струящийся, как при первой встрече, — на душе у него была лишь мягкость.

— Как это не считается? Каждый во дворце может мне это засвидетельствовать. Нет, весь мир может. Обойди всё Государство Чжао с расспросами — разве Императрица Государства Чжао не ты, Чу Чанси?

Чу Чанси поправил рукава и всё ещё упрямо твердил:

— Не помню. — С этими словами он перевернулся, спрыгнул на землю и направился внутрь покоев.

В лунном свете его чёрные волосы развевались, словно цветы нефритового дерева. В глазах

Чжао Цзинъюя мир утратил все краски.

Чжао Цзинъюй крепко схватил его за руку. В воздухе разлился аромат вина.

— Чанси пил? Каково вино на вкус?

Чу Чанси обернулся при свете красных свечей, заливавших комнату. Он всё ещё был красив и отрешён.

— Вино неплохое.

Они стояли близко. Чжао Цзинъюй видел, что тот изо всех сил старается держаться, но кончики ушей у него покраснели от вина, что делало его холодное, нефритовое лицо ещё бледнее. У императора перехватило горло.

— А можно мне попробовать?

— ?

В глазах Чжао Цзинъюя будто вспыхнул огонь — жаркий и безумный. Опустив взгляд, он прильнул к его чуть сжатым губам, языком раздвинул зубы.

— М-да, и правда неплохо.

Когда его отпустили, Чу Чанси, тяжело дыша, подумал: ...

Система: [Ха-ха, это ты дал ему уверенность, хозяин!]

Как всегда, тщательно прислужив Чу Чанси — помог умыться и уложил в постель, — Чжао Цзинъюй отошёл за ширму, позволив слугам помочь ему переодеться. Прошло много времени. Чу Чанси уже собирался уснуть, как вдруг край одеяла приподнялся, и внутрь втиснулся человек.

— Чанси, я уже согрелся, я согрею тебе постель.

Он специально пошёл принять горячую ванну, распарил себя, так что от него шёл пар.

Пальцы Чу Чанси, сжимавшие угол одеяла, слегка оцепенели.

— Вашему Высочеству спать здесь не по правилам.

После изгнания червя его память остановилась на том времени, когда он был соучеником наследного принца. Их отношения тогда были чисты и невинны.

Однако Чжао Цзиньюй уже ничего не боялся. В последнее время он не раз бесстыдно наглел.

— Плевать я хотел на правила! — С этими словами Чжао Цзиньюй повернулся на бок, потянул его за рукав и жалобно забормотал: — Чанси, уже прошёл месяц.

Чу Чанси:

— Что за месяц?

— Я целый месяц один-одинёшенек в пустой спальне.

— ...

— В день нашей свадьбы ты ушёл, и до сегодняшнего дня мы ещё не провели брачную ночь.

Чу Чанси приподнялся, собираясь уйти.

— Супруг? — Чжао Цзиньюй поспешно протянул руку, чтобы удержать его. Чу Чанси не ожидал этого и упал прямо на него, чёрные волосы усыпали всю постель.

Чжао Цзиньюй крепко обнял лежащего на нём человека, словно хотел втереть его в свои кости и кровь, но сдерживался, не желая причинять ему боль, лишь слабо, ненастояще сомкнул руки.

— Чу Чанси, я так, так сильно по тебе скучаю.

— Я здесь. — Чу Чанси перевёл дыхание, в темноте приподнялся на руках, и его руки скользнули вниз, развязывая ему пояс.

— Но я всё равно скучаю. Каждое мгновение. Не вижу тебя — сердце мечется, болит... — Чжао Цзиньюй, запрокинув голову, целовал его в брови и глаза, дыхание его было горячим и пахло вином. Он снова налил себе, чтобы набраться храбрости. — Чанси, ты ведь не уйдёшь от меня?

— Ты не можешь уйти.

— Я умру...

— А если я всё-таки уйду? — Чу Чанси закрыл глаза, от него пахло цветами и вином, одежда

распахнулась ещё сильнее — казалось, он и сам сильно пьян и позволяет рукам творить беспорядок. Тогда поцелуи лежащего на нём человека начали выходить из-под контроля.

— Куда Чанси пойдёт, туда и я последую, — Чжао Цзиньюй, доведённый тревогой до предела, вдруг успокоился и неожиданно улыбнулся. — Я не могу без тебя. Уходи — я последую за тобой в жизни и смерти.

Брови и глаза Чу Чанси чуть изогнулись, словно нефритовые цветы после первого снега, и среди них просияло ясное небо.

— Тебе жаль...

Чего жаль? Чу Чанси не договорил.

Жаль его?

Жаль разочаровывать его?

Когда любовь достигает предела, становится жаль причинять боль, жаль огорчать, жаль, чтобы он хоть на миг закрыл глаза с беспокойной душой.

Это был путь, который Чжао Цзиньюй выбрал давно, без вариантов.

Позже, когда страсть накалилась, Чжао Цзиньюй, сдерживая дыхание, спросил:

— Чанси, ты любишь детей?

Чу Чанси едва не брякнул: «А ты что, родить сможешь?»

Он покачал головой:

— Не люблю. — В его задании не значилось, что он должен стать кому-то отцом.

— О. — Чжао Цзиньюй приуныл, его воодушевление угасло на мгновение. Всю свою жизнь, с тех пор как он, ещё юношей, полюбил Чу Чанси, было предопределено, что он никогда не прикоснётся к другому и у него никогда не будет потомства.

Он думал: если Чанси захочет, можно будет усыновить ребёнка из императорского рода, воспитывать его вдвоём, а когда тот сможет самостоятельно править — передать ему трон. А потом Чжао Цзиньюй возьмёт Чу Чанси за руку, и они вместе отправятся странствовать по свету, наслаждаясь горами и водами до конца своих дней.

Но Чанси не хочет. Что же делать?

Даже не говоря о том, что императорскому роду нужен наследник, — даже ежедневная государственная работа, из-за которой он не может видаться с Чанси, была невыносимой мукой.

Неужели все последующие годы будут похожи на этот день?

Но он не мог и пойти против воли Чанси...

Чжао Цзиньюй оказался перед дилеммой. Он недовольно фыркнул, обнял лежащего на нём человека и перевернулся, оказавшись сверху. Опираясь на руки, он смотрел на него. Лунный свет просачивался сквозь лёгкую занавеску, туманно мерцал нефритовый свет, вдалеке колыхались свадебные свечи, красный свет был мягок.

Он улыбнулся:

— Супруг мой, как ты красив.

Чу Чанси протянул руку и закрыл ему рот:

— Поменяй обращение.

— ... У нас уже есть супружеская близость.

— Поменяй.

— Тогда супруг должен кое-что мне пообещать.

— Что?

Волосы спутались, дыхание смешалось у шеи. Чжао Цзиньюй, засунув одну руку под подушку и шаря там, приблизился к его уху и прошептал пять слов.

Чу Чанси: ...

Система: [..... Я отключаюсь.]

...

Прошлой ночью главный герой не унимался до самого рассвета, но когда Чу Чанси проснулся, постель рядом с ним уже давно остыла.

Система: [Главный герой спал недолго, как настало время — пошёл на утренний приём.]

[На этот раз он действительно серьёзно слушается твоих слов.]

Чу Чанси ничего не сказал. После завтрака главный герой как раз вернулся с утреннего приёма. Его голос донёлся раньше, чем он сам появился — очень радостный и весёлый:

— Чанси!

Вчерашняя уступка стоила ему сегодня нормального обращения.

Чу Чанси вышел за дверь. В лицо ударил холодный ветер. Подошедший сбоку человек накинул ему на плечи накидку:

— Чанси, стало холодно. Выходи на улицу, одевайся теплее.

— Мне не холодно... — Чу Чанси запнулся, повернул голову и посмотрел на него: — Ваше Высочество... не хотите отдохнуть?

Чжао Цзинъюй, услышав это, мгновенно понял что-то, глаза его заблестели. Он приблизился к его щеке и чмокнул:

— Чанси беспокоится обо мне?

Сколько он ждал этого дня?

Чу Чанси, видя, что тот и впрямь глуповат, с бесстрастным лицом спросил:

— Я слышал, что чиновники и сановники просят о встрече со мной?

— Чанси, не обращай внимания, — Чжао Цзинъюй взял его руки в свои, согрел дыханием. — Есть я, тебе не нужно утруждаться.

Ты просто живи без забот и печалей. Что же до народа Поднебесной, я, как ты и хотел, создам для тебя эпоху процветания и мира.

Но он всё равно не был уверен: вдруг Чу Чанси на самом деле интересуется этим?

Чжао Цзиньюй согрел ему руки и отпустил:

— Чанси хочет их видеть?

Чу Чанси помолчал, затем кивнул:

— Встречусь. Возможно, у них важное дело.

У министров действительно было важное дело к господину Чу. В день свадьбы Чжао Цзиньюй скрыл всё, что произошло, объявив лишь, что Императрицу в тот день похитили злоумышленники, и император через месяц разыскал её, но она была ранена и целый месяц тщательно лечилась во дворце. Теперь же, по слухам, она полностью выздоровела.

И вот первоначальные замыслы вновь зашевелились. Гражданские и военные чиновники один за другим подавали советы, желая, чтобы Императрица участвовала в управлении государством наравне с императором.

Среди народа Чу Чанси всегда слыл небожителем. Многие из его полезных для народа указов Чжао Цзиньюй никогда не приписывал себе, оставляя всю славу ему. Так что желание, чтобы он участвовал в управлении, было не только у придворных сановников, но и у всех жителей Государства Чжао.

И вот позже, во Дворце Минсинь, министры пустили в ход всё своё красноречие и наконец добились согласия господина Чу. На следующее утро рядом с императорским тронном поставили ещё одно кресло. С этого дня Императрица стала наравне с императором управлять Поднебесной.

Поначалу Чжао Цзиньюй ещё опасался, что Чу Чанси будет тяготиться этим. Но потом, увидев, что таким образом он может постоянно видеть любимого человека, да и Чу Чанси, казалось, находил в этом интерес, он лишь тайком радовался.

В день, когда выпал первый снег в Государстве Чжао, Чу Чанси только открыл дверь, как в его объятия бросился ребёнок, словно выточенный из яшмы. Запрокинув голову, он звонко крикнул:

— Папа.

Глаза — длинные ресницы взлетали, словно крылья бабочки. Неизвестно, сколько он прождал за дверью: весь покрылся снегом, щёки покраснелись.

Чу Чанси: ...

Система: [Главный герой держал его у себя какое-то время и только сегодня решился выпустить. Согласно записям, этот малыш полдня слушал наставления главного героя о том, как тебе понравиться. По-моему, он перенял науку у главного героя.]

Чу Чанси отвёл взгляд от невинных глаз ребёнка, огляделся — никого. Во дворе густо валил снег, застилая всё вокруг.

[А главный герой?]

Система: [Сбежал. На прощание сказал малышу: «Спасайся как хочешь, я сам еле ноги унёс».]

Чу Чанси: ...

<http://bllate.org/book/19901/1959234>